

УДК 343.7

**ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УМЫСЛА ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ**

© 2014

Хилота В.В., кандидат юридических наук, доцент*Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гродно (Беларусь)*

Аннотация: Рассматриваются актуальные для правоприменительной практики и науки уголовного права вопросы установления и доказывания преступного умысла при совершении мошеннических операций в сфере экономики. автором приводятся типовые примеры и предлагается алгоритм доказывания субъективной стороны состава преступления.

Ключевые слова: Преступления против собственности, мошенничество, доказывание преступного умысла, обман, корысть.

Как известно, органы предварительного расследования и суд при разрешении уголовного дела обязаны установить объективную истину. Особую трудность в данном вопросе представляет процесс выявления адекватных знаний о субъективной стороне преступления, установлении прямого умысла на совершение хищения, единообразного понимания доказательственного значения по собранным материалам. Не случайно, что многие из преступлений в сфере экономики сегодня маскируются под законные гражданско-правовые сделки, и за нарушениями финансовой дисциплины, бухгалтерской отчетности, порядка ведения документооборота и т.п. порой весьма сложно бывает выявить и доказать чей-либо преступный умысел.

Очевидно, что распознать фиктивность, противоправность сделки, наличия умысла на совершение хищения денежных средств или иного имущества легче тогда, когда сделка заключалась от имени несуществующей фирмы, вымышленного лица и т.п. Собственно говоря, это тот случай, когда признаки преступления лежат на поверхности. Исследование документов, связанных с заключением договора, истребование справок о регистрации и налоговом учете субъекта хозяйствования, получение объяснений и т.п., как правило, в таких случаях является достаточным кругом проверочных действий, чтобы констатировать признаки преступления и принять своевременное решение о возбуждении уголовного дела [1, с. 12].

Однако совершенно иная ситуация складывается при проверке информации о преступлении и его расследованию, когда ответственность за причиненный ущерб виновная сторона пытается представить как результат неудачной финансово-хозяйственной деятельности, как следствие коммерческого риска, недобросовестности партнеров. Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений в сфере экономики показывает, что недобросовестные заемщики почти всегда пытаются доказать правоохранительным органам, что они собирались погасить кредиторскую задолженность, а не присваивать полученные денежные средства, но ... чуть позже оговоренного срока. Даже при обнаружении подложных сведений и сфальсифицированных документов на ранней стадии, невозможно определить субъективное отношение лица в виде прямого умысла на мошенничество. В данном случае речь также идет о тех ситуациях, когда, например, получившие кредит руководители организаций не скрывались, не представляли поддельных документов, однако, получив значительные денежные суммы, необходимых мер для их возврата не

приняли и заемных средств кредитору не вернули [2, с. 146-149]. Признание такой деятельности предпринимательской порождает ошибочное представление правоохранительных органов о сущности гражданско-правовых отношений и фактически оставляет деятельность таких лиц практически безнаказанной.

Установление умысла на хищение (мошенничество) в подобных случаях представляет для правоохранительных органов значительную трудность, но возможно, если мошенничество в сфере экономики совершается путем создания ложных организаций. Практике известны многочисленные факты хищений имущества, когда создается фиктивная коммерческая организация, которая после получения и присвоения денежных средств прекращает свое существование, а ее руководители скрываются.

В данном случае следует напомнить п. 12 действующего постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О судебной практике по делам о хищениях», в котором сказано, что «получение имущества под условием выполнения какого-либо обязательства может быть квалифицировано как мошенничество лишь в том случае, когда виновный еще в момент завладения этим имуществом имел цель его присвоения и не намеревался выполнить принятое обязательство». Отсюда следует, что состав мошенничества исключается, если умысел лица был изначально направлен на исполнение обязательств по сделке, но затем, вследствие обстоятельств, возникших после получения имущества, изменился. Не будет мошенничества и в том случае, когда лицо, заключая сделку, преследовало цель получить имущество во временное пользование [3, с. 58]. Однако нельзя полностью исключать возможности привлечения в данном случае лиц к ответственности за присвоение либо растрату вверенного им имущества.

Как правило, в таких ситуациях работники правоохранительных органов утверждают, что если не установлен преднамеренный характер искажения истины, состав мошенничества отсутствует, и, в сущности, они правы в плане обычного толкования термина «обман» при мошенничестве. Но при такой трактовке обмана обнаруживаются определенного рода неточности, имеющие правовое значение при разрешении вопроса о разграничении уголовной и гражданско-правовой ответственности [4, с. 58].

Проблема еще усугубляется и тем, что правоприменителями нередко делается вывод о том, что сам факт обмана уже доказывает корыстную цель. Однако здесь

важно отметить, что при мошенничестве корыстная цель в содержание обмана не входит, а является самостоятельным признаком. Обман это всего лишь способ совершения хищения, и доказательство самого факта обмана еще не доказывает вину. Термины «обман» и «корыстная цель» являются самостоятельными, не зависящими друг от друга понятиями. Поэтому при предъявлении обвинения в мошенничестве необходимо доказывать как обманный способ, так и корыстную цель отдельно друг от друга. В силу сказанного, можно сделать промежуточный вывод, который уже приобрел характер тенденции: в большинстве случаев, эффективность применения нормы о мошенничестве зависит от многоэпизодности совершаемых мошеннических операций [5, с. 50].

Действительно, разобраться в подобных ситуациях весьма сложно, тем более, если учесть, что, совершив преступление, виновные не остаются безучастными к ходу расследования, всегда принимают минимально необходимые меры, направленные на исполнение обязательств. Иными словами, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии мошенничества (как впрочем, и иных форм хищений), необходимо точно знать: каковым было намерение лица при завладении имуществом.

Таким образом, вывод о наличии умысла на противоправное, безвозмездное завладение имуществом можно сделать при наличии прямых доказательств (показания свидетелей и потерпевших, наличие изъятых документов, раскрывающих фактические намерения лица, видео- и аудиозаписи, результаты прослушивания и записи телефонных и иных переговоров и т.д.). Однако, в большинстве случаев доказательств, свидетельствующих о наличии у лица прямого умысла на совершение хищения, в процессе расследования установить не удается. Например, определенные суды сегодня исходят из формулы «есть расписка – нет мошенничества» и предлагают квалифицировать отношения сторон как гражданско-правовые. В такой ситуации виновность лица можно установить лишь на основании анализа совокупности косвенных доказательств.

Сложность доказывания субъективной стороны обусловлена тем, что между сознанием и поведением нет механического однозначного соответствия. Основная задача методики состоит в нахождении тех конкретных условий, при которых сознание человека и его деятельность адекватны друг другу. Делать выводы о субъективной стороне преступления следует не на основе отдельных актов, изолированных отрезков поведения, а исходя из всей системы деятельности физического лица, конкретной ситуации определенного акта и особенностей личности этого человека в их совокупности [6, с. 88].

В какой-то степени Пленум Верховного Суда Республики Беларусь попытался разрешить данную проблему, указав в том же п. 12 постановления № 15 примерный перечень ситуаций, которые могут свидетельствовать (в совокупности с другими обстоятельствами) о заранее обдуманном умысле на завладение имуществом:

- крайне неблагоприятное финансовое положение лица, принимающего обязательство, к моменту заключения договора;
- экономическая необоснованность и нереальность принимаемых обязательств;
- отсутствие прибыльной деятельности, направленной на получение средств для выполнения обязательств;

- выплата дохода первым вкладчикам из денег, внесенных последующими вкладчиками;

- предъявление при заключении договора подложных документов;

- заключение сделки от имени несуществующего юридического лица или зарегистрированного на подставных лиц и т.п.

Вполне понятно, что сами по себе определенные данные (предъявление при заключении договора подложных документов; экономическая необоснованность и нереальность принимаемых обязательств), еще не свидетельствуют о виновности конкретного лица. Однако эти данные обретают иной смысл, если их рассматривать в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по уголовному делу. Как нам представляется, выявить в данном случае прямой умысел на совершение хищения невозможно без анализа фактической деятельности лица. Эту работу можно условно разбить на несколько этапов.

1. Анализ поведения лица в период, предшествующий заключению сделки.

На данном этапе могут быть обнаружены такие факты, как: создание организации по подложным документам на вымышленных лиц и нередко регистрируемым по нескольким юридическим адресам; малый размер уставного капитала организации, смена учредителей, переход руководителя на второстепенную должность; аренда офиса на короткий срок, сокрытие заемщиком данных о себе; профессиональная неподготовленность учредителей, отсутствие опыта финансово-хозяйственной деятельности, которые особенно проявляются при ведении бухгалтерского учета; наличие фиктивных договоров с другими юридическими лицами, послуживших основанием для заключения сделки и т.п. [7, с. 194; 8, с. 19-25].

Так, гр-н К. по доверенности заключил от имени ООО договор на поставку товара с ОДО «Ника-Транс». Однако, когда ООО получило товар, выяснилось, сто такой организации не существует, товара и оплаты получить невозможно, никого из должностных лиц ООО нет, кроме К., который заключил договор. Несмотря на то, что К. никогда не являлся работником ООО и напрямую никакой связи между обществом и этим лицом установлено не было, кроме осуществления посреднической деятельности, К. был осужден за мошенничество. Вынося приговор, суд посчитал установленным, что исходя из поведения К. в момент и после заключения договора, а также из того, что действия обвиняемого выходили за рамки простого посредничества (настойчивые требования заключить договор, спешка в оформлении бумаг, наличие печати ООО) между К. и ООО имелась определенная связь, которая и легла в основу совершения преступления.

2. Оценка поведения и деятельности лица при заключении договора.

Зачастую мошенники используют фиктивные документы, удостоверяющие личность участников сделки; предоставляют фальшивые гарантийные письма или сфальсифицированное залоговое имущество; используют печати и штампы ликвидированных предприятий и организаций; осуществляют прием вкладов по договорам, форма которых не соответствует содержанию; согласны на любых условиях (нередко невыгодных для себя) подписать соглашение (в некоторых случаях договор подписывается лицами, которые не имеют соответствующих полномочий).

Например, если мы говорим о юридическом лице, то на данном этапе наибольшее значение имеет изучение его производственно-хозяйственной деятельности, под прикрытием которого нередко действуют злоумышленники:

а) оценка обязательств субъекта хозяйствования при завладении чужим имуществом (реальность принимаемых обязательств относительно конъюнктуры рынка; обстоятельства, при которых они принимаются; экономическая обоснованность принимаемых обязательств) [9, с. 11-12]. Доказав, что от имени юридического лица приняты заведомо необоснованные обязательства, можно говорить о наличии обмана при завладении чужим имуществом;

б) оценка фактической финансово-хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования, т.е. определение целей деятельности юридического лица при фактическом распоряжении полученным имуществом (отсутствие каких-либо активов для выполнения обязательств; распоряжение имуществом в ущерб интересам юридического лица, в личных интересах; использование полученного имущества вне оборота организации). В ряде случаев отсутствие цели получения прибыли может свидетельствовать о намерении не исполнять взятые обязательства.

Очевидно, что важное значение для оценки принимаемых обязательств и решения вопроса о наличии обмана при завладении чужим имуществом имеет оценка реальности и обоснованности принимаемых обязательств, которая включает в себя оценку финансового состояния юридического лица либо уровня эффективности его деятельности. Например, одним из доказательств отсутствия умысла на совершение хищения (мошенничества) может служить обстоятельство, согласно которому имущество не было возвращено в рамках обычной хозяйственной деятельности, т.е. когда объем товара, которым завладело лицо, является несущественным по сравнению с его месячным оборотом. Но если это лицо не занимается хозяйственной деятельностью или объемы хозяйственных операций значительно меньше стоимости имущества, которое оно не возвращает, то такого рода действия вполне могут быть расценены как мошенничество (присвоение или растрата).

Анализ уголовных дел о хищениях показывает, что во многих случаях суды, как и органы следствия не аргументируют выводы о получении денежных средств путем обмана и возникновении умысла уже на стадии завладения имуществом посредством обоснованности принимаемых обязательств. Выводы о том, что полученные средства используются с целью совершения мошенничества, делаются, как правило, на основе несвязанных сведений по отдельным эпизодам мошенничества и на основании разорванных косвенных доказательств, к которым в частности относятся: не зачисление средств на расчетный счет, хранение наличности с нарушением финансовой дисциплины, отсутствие учета и т.д. Однако данные факты еще не свидетельствуют о том, что лицо намеревалось совершить хищение.

Например, об умысле на совершение хищения может свидетельствовать неоднократность заключения сделок без выполнения обязательств по ним, как и отсутствие источников для выполнения принимаемых обязательств. Весьма важное значение может приобретать анализ финансового состояния лица и его изменение вследствие распоряжения имуществом. Безусловно, если, например, такая деятельность лица будет приводить лишь к

ухудшению финансового состояния лица, то имеются все основания говорить об обмане и умышленном неисполнении взятых обязательств.

3. Анализ деятельности лица после заключения сделки и распоряжения (завладения) полученным имуществом.

В результате данной операции могут быть выявлены следующие обстоятельства: создание организаций для перевода собственности в другие подконтрольные коммерческие структуры; помещение денежных средств на счета других банковских учреждений, а не на собственный счет; перевод денежных средств по фиктивным контрактам за границу; принятие явно некомпетентных решений, значительно увеличивающих неплатежеспособность предприятия; принятие новых финансовых обязательств при фактическом состоянии банкротства; заключение нелогичных с хозяйственной точки зрения договоров, заведомо невыполнимых и убыточных сделок; распоряжение имуществом без согласия собственника; обманное уклонение от исполнения обязательств; продажа товара, полученного во временное пользование; распоряжение имуществом в личных целях (оплата учебы своих детей, приобретение квартир, автомашин), а не в интересах хозяйственной деятельности; имитация хищения имущества должника [10]. Например, наличие определенных профессиональных знаний и навыков, опыт работы в определенной сфере деятельности и иные сведения о личности подозреваемого могут указывать на то, что лицо не могло не знать о характере и последствиях совершаемых действий. Об умысле не исполнять обязательство также может свидетельствовать деятельность по бесконтрольному использованию полученного имущества (отсутствие в этой связи документации и бухгалтерского учета).

На данном этапе особая роль отводится установлению факта использования полученного имущества в личных корыстных целях. Необходимость выявления этого обстоятельства обуславливается, прежде всего, особым характером отношений, складывающихся между сторонами при заключении и исполнении договора. Очевидно, что завладение имуществом от имени юридического лица серьезно маскирует противоправную деятельность виновных, является препятствием для признания в их действиях состава мошенничества [1]. Изучение всей цепочки движения денежных (материальных) средств, в том числе по различным банковским счетам, позволяет в ряде случаев сделать вывод, что организация была лишь прикрытием для завладения имуществом, получив которое виновные распорядились им по своему усмотрению (в личных интересах).

При расследовании дел данной категории нередко значительные усилия следствия тратятся на проверку показаний получателей имущества о якобы возникших непредвиденных трудностях, помешавших своевременному возврату имущества (денег). Проследивание фактической траты денежных средств (распоряжения имуществом) помогут в дальнейшем подтвердить или опровергнуть выдвинутую версию и исследовать реальную деятельность организации.

Так, органами предварительного следствия М. наряду с другими преступлениями было предъявлено обвинение и в том, что являясь директором ООО «Солтэм», представила в АКБ «Кредкомбанк» заведомо ложные документы: технико-экономическое обоснование кредита, страховое свидетельство, договор купли-продажи това-

ров со спецификацией на 10 тракторов МТЗ-82, товарно-транспортную накладную на отгрузку шести тракторов, договор поручительства, контракт на продажу тракторов в Республику Адыгея. По этим документам М. получила кредит в сумме 500 млн. белорусских рублей, но использовала эти денежные средства по нецелевому назначению и фактически распорядилась по своему усмотрению. Действия М. органами предварительного следствия были квалифицированы как выманивание кредита или дотаций и мошенничество. Суд районной инстанции оправдал М. по статье о мошенничестве, однако, судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговор отменила, и дело в отношении М. направила на новое судебное рассмотрение. Коллегия указала, что районный суд сделал поспешный и не основанный на материалах дела вывод о том, что виновная, получив по поддельным документам кредит в сумме 500 млн. белорусских рублей не имела умысла на обращение его в свою собственность. Прослеживание фактической траты кредитных средств подтвердило, что взятые с использованием подложных документов на 3 месяца кредитные средства для закупки тракторов М. не направлялись. Виновная не имела возможности исполнить обязательства по возврату кредита, на протяжении длительного времени мер к его погашению не принимала и, более того, не намеревалась его возвращать, поскольку знала, что ответственность по кредитному договору будет нести поручитель. Кредитные средства были использованы М. в личных целях (для погашения своих долгов и приобретения путевок для отдыха). На основании этих данных суд при новом рассмотрении дела пришел к выводу, что М. совершила не выманивание кредита, а хищение кредитных средств путем мошенничества.

Оценка финансово-хозяйственной деятельности юридического лица, а также использование приемов документального анализа документов – реальная предпосылка для выявления фактов распоряжения полученным имуществом в ущерб интересам юридического лица, использование его в личных целях или в интересах организаций, учредителями которых выступают близкие или родственники виновного. Таким образом, анализ всей деятельности юридического лица ведет непосредственно к оценке распоряжения (завладения) имуществом.

Безусловно, приведенные нами признаки во многом

имеют значение лишь косвенных доказательств при установлении прямого умысла на совершение хищения, они содержат элементы обмана, но не могут быть прямым основанием для однозначного вывода о преступном умысле лица. Вопрос достаточности таких доказательств (при констатации совокупности нарушений) для окончательного вывода об отсутствии намерений выполнять принятые обязательства – это вопрос факта и анализа конкретного уголовного дела и злоупотреблять здесь тоже не стоит.

Таким образом, суть разграничения преступного обмана от неисполнения гражданско-правовых обязательств можно свести к необходимости установления отношения лица к факту передачи ему имущества и наличием у него возможности реального исполнения обязательств по сделке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрин В. Преступления против собственности: проблемы доказывания // Законность. 2001. № 8.
2. Ларичев В.Д., Спиринов Г.М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. М., 2001.
3. Юрин В. Как установить умысел мошенника // Российская юстиция. 2002. № 9.
4. Арендаренко А.В., Голубов И.И. Разграничение уголовной и гражданско-правовой ответственности при обмане и злоупотреблении доверием // Юрист. 2002. № 4.
5. Хилота В.В. Охрана кредитно-банковских отношений от преступных посягательств. Гродно, 2005.
6. Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М., 2001.
7. Хилота В.В. Теоретические основы и прикладные проблемы расследования мошенничества в банковской сфере. Гродно, 2004.
8. Кривенко Т., Куранова Э. Расследование преступлений в кредитно-финансовой сфере // Законность. 1996. № 1.
9. Шагиахметов М. Оценка обязательств по делам о крупных мошенничествах // Законность. 2000. № 5.
10. Шагиахметов М. Особенности расследования крупных мошенничеств // Законность. 1999. № 12.

PROBLEMS FOR ESTABLISHING FRAUD IN ECONOMICS

© 2014

*Hilyuta V.V., Ph.D., associate professor
Grodno State University, Grodno (Belarus)*

Annotation: The relevance to law enforcement practices and science of criminal law issues and establish proof of criminal intent in committing fraudulent transactions in the economy. author are typical examples and propose an algorithm to prove the subjective side of crime.

Keywords: Crimes against property , fraud, Evidence of criminal intent , deceit, greed.